

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 8 (20) Января 1896 г.

ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 8 (20) Января 1896 г.

№ 7

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ЛИСТОКЪ

№ 7

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ И ЛИТЕРАТУРНАЯ

РЕДАКЦІЯ: Казанская, 2.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО

КОНТОРА: Казанская, 2.

ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКЦІИ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ въ 1896 г.

Безъ доставки
Съ доставкою въ С.-Петербургъ . . .
Съ пересылкою въ другіе города . . .
" " за-границу . . .

На 12 мѣсц.	На 11 мѣсц.	На 10 мѣсц.	На 9 мѣсц.	На 8 мѣсц.	На 7 мѣсц.	На 6 мѣсц.	На 5 мѣсц.	На 4 мѣсц.	На 3 мѣсц.	На 2 мѣсц.	На 1 мѣсц.
7 руб. 50 к.	7 руб. — к.	6 руб. 50 к.	6 руб. — к.	5 руб. 50 к.	5 руб. — к.	4 руб. 30 к.	3 руб. 60 к.	2 руб. 90 к.	2 руб. 20 к.	1 руб. 50 к.	— руб. 80 к.
9 " — "	8 " 50 "	8 " — "	7 " 50 "	7 " — "	6 " 40 "	5 " 50 "	4 " 60 "	3 " 70 "	2 " 80 "	1 " 90 "	1 " — "
10 " — "	9 " 50 "	9 " — "	8 " 50 "	8 " — "	7 " — "	6 " — "	5 " — "	4 " — "	3 " 30 "	2 " 20 "	1 " 20 "
15 " — "	14 " — "	13 " — "	12 " — "	11 " — "	9 " 90 "	8 " 70 "	7 " 20 "	6 " 40 "	5 " 10 "	3 " 80 "	2 " 60 "

ГАЗЕТЫ
«ПЕТЕРБ. ЛИСТОКЪ»
943

ТЕЛЕФОНЪ РЕДАКТОРА

И ТИПОГРАФІИ
„ПЕТЕРБ. ЛИСТОКЪ“
937

Входъ въ контору и редакцію „Петербургскаго Листка“ съ КАЗАНСКОЙ ПЛОЩАДИ, по парадной лѣстницѣ, второй этажъ.

ДВА МАСКАРАДА.

Праздники закончились неожиданным карнавалом: два больших бала в один вечер, — у архитекторов и в театре литературно-артистического кружка.

Совсем не Петербург, а Венеция! Холодное веселье, замерзнувшие каналы, но все-таки нечто венецианское.

Не знаю, может быть это зависит от настроения, но литературно-артистический маскарад показался мне очень скучным.

Когда вас хотят познакомить с хорошенькой женщиной, — ей оказывают, расхвалив заранье ее грацию и прелесть, очень дурную услугу. Вы ждете чего-то необыкновенного и потом непременно разочаруетесь.

Прочитав накануне в „Новом Времени“, что „после разных неудачных маскарадных затей Петербург дождался бал-маскарада, способного удовлетворить самым строгим требованиям“, прочитав эффектное описание разных „*lumières voilées*“, „бергерок“, дежурствующих шампанское“, фонтанов иллюминезов и т. п. великолепных вещей, я никак не думал, что все это маленькая реклама, которой не доставало только стихов Фюфанова.

Дирекция кружка приготовила посетителям маскарада ряд небольших разочарований.

Начиная с писем розового домино.

300 анонимных *billets doux*, разосланных разным лицам, назначали свидание у лѣваго входа. Кто-то кого-то там действительно ждал, хотя это было и не розовое домино... Розовое домино оказалось невинной шуткой дирекции, призывавшей заманить 300 посетителей, пригласив их на свидание с хорошенькой женщиной. А то — чего доброго? — пожалуй и не пошли-бы! Но все-же это очень остроумно, — обещать интересное свидание и, вместо него, заставить проскучать весь вечер. Рѣзвящийся гиппопотам не выкинул-бы больше забавного па.

Впрочем, маленькая реклама и любовные записочки дирекции в розовом домино привлекли довольно много публики. Тут были литераторы, петербургский *high life* и хорошенькие артистки, продававшие шампанское. Бокал и улыбка — 10 рублей.

Убранство театра было скорее литературное, чѣм артистическое: очень мало художественного вкуса.

Если сравнить зал Малаго театра с залом бала архитекторов, то преимущество окажется на стороне архитектуры. Японские киоски, фонари, яркая художественно расписанная материя всех цвѣтов, пестрые зонтики и вѣера, — вот это было действительно эффектно и декоративно! Там было шумно, оригинальный котильон и настоящее веселье. Я вполне понимаю г. Боборыкина, который предпочел архитектурный вечер литературному. Архитектора и живописца, как настоящие художники, съумели придать своему маскараду колорит, краски, перспективу и фантастичность. Журналисты и литераторы совсем наоборот — ничего, кроме электричества, придумать не сумели. Сила свѣта, равная 27,000 свѣчам — вот и все. Положив назначенных литераторов вносить всюду свѣтъ просвѣщенія, но все-же одного электричества мало. Электрические фонтаны, электрические лампочки, электрические глазки модных дам-писательниц... слишком большая

иллюминация! И потому эти эффекты, за исключением глазок, принадлежать фабрике Подольдова; в чем же собственно выразился вкус литературно-артистической дирекции?

Скучный, чопорный вечер... совсем петербургский. Маскарад без масок и костюмов. В домино одни дамы. Никто из литераторов не явился замаскированным. Во первых потому, что они хотели показать себя публике, — вот г. Потапенко, вот г. Гамма, вот г. Чехов! Во вторых, литераторы слишком солидны, чтобы рядиться. Художники — другое дѣло. Но как же представить себя, например, В. И. Немировича-Данченко в костюме испанского тореадора, г. Градовскаго, одѣтаго пьерро или арлекином? А в третьих, правду сказать, литераторам и журналистам надоело и в жизни носить различные маски. Настоящий литературный маскарад — на страницах газет и журналов. Не говоря уже о маске псевдонима, наши писатели носят всевозможные личины: либерализма, национализма, народничества. Домино — всех партийных цвѣтов, а у некоторых это домино сшито из разноцвѣтных лоскутков, на подобие кулическаго одѣяла. В журналистикѣ можно встретить костюм либеральнаго Тартюфа, народника в лантях и тулупѣ, отдающаго махоркой и сивухой, — этим букетом деревни, и костюм византийской лисы, вливающей хвостиком, гдѣ и когда нужно. Тут есть и философствующие старцы из оперы „Пророк“, и поэты-символисты, одѣтые трубадурами, и критики в лапсердакѣ, — костюмов сколько угодно, но в маскарад вы не увидите ни одного.

Все писатели в корректных фраках и бѣлых манишках, ровно ничего не выражающих, кроме XIX вѣка. Фешенебельно, прилично и безразлично. Общепринятый фасон, утилитарность, ничего бросающагося в глаза, но вполне элегантно. Накрахмаленная вышность, фразы убѣжденія съ фалдочками и полный европеизм туалета. Модный галстух — прекрасный символ изящной культуры, удостоверяющій в то же время, что мы слѣдимъ за парижской и вѣнской модой, что ничто современное намъ не чуждо. Золотые слова и звонкія фразы, вмѣсто бредовъ и шапо-кляк под мышкой.

Претенциозность и чопорность — черты наших литераторов, вѣчно застегнутых на все пуговицы, не умиющих просто и мило повеселиться, подурчиться, как наши художники и архитекторы. У них весело, у нас скучно. И вышел какой-то глупо-фешенебельный маскарад, напоминающій свѣтскую гостиную. Все зѣвали, натянуто улыбались, говорили скучные комплименты дамам. Мужчинам посылали голову бумажными *confetti*, кожно пестрыми в шевелюрѣ, да и обвивали серпантинками, словно сантиметрами, измѣряющими талию, но развѣ это настоящий, веселый, шумный, бойкій карнавал, когда под маской все чувствуют себя такъ свободно, непринужденно, когда звонкій смѣх звучитъ под ритурнели оркестра? Все ходятъ кругомъ, критикуютъ, изображаютъ изъ себя скептических зрителей, развлекающихся на чужой счетъ, ничего не внося съ собою въ общее оживленіе, ни одна маска не подходитъ заинтриговать васъ, — и все въ невыразимо скучно. Кто думаетъ о завтрашней передовой статьѣ, кто о предстоящемъ ужинѣ по баснословнымъ цѣнамъ.

Кстати, — для вящей фешенебельности маскарада, дирекція кружка былъ приглашенъ рестораторъ Кюба. Онъ долженъ былъ дать отсутствующаго за этотъ вечеръ буфетчику Малаго театра и брать за все въ тридорога. Маленькій пирожокъ, напримеръ, стоилъ 30 коп. Можно было подумать, что Кюба торгуетъ, подобно дамамъ въ киоскахъ, съ благотворительною цѣлью. Но за улыбку буфетчика Кюба, которою онъ сопровождаетъ подносимую вамъ рюмку водки, вовсе не интересно прилачивать лишній рубль. Только улыбки дамъ, и то съ благотворительною цѣлью, оплачиваются эстетиками и филантропами по высшему тарифу. Если этотъ маскарадъ предназначался для кутящей золотой молодежи Петербурга, то Кюба, пожалуй, и былъ на своемъ мѣстѣ, но причѣмъ тогда литераторы, зарабатывающіе деньги личнымъ трудомъ и не привыкшіе бросать ихъ на стойку французскаго буфетчика?

Ш.